

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ НА ПРЕДМЕТ НАУЧНОСТИ

Е. В. Дегтярев

Магнитогорский филиал РАНХиГС, Магнитогорск, Россия

e-mail: filos.magnit@yandex.ru

Аннотация. По нашему мнению, **актуальность** логико-философского осмысления истории на предмет ее научности не может вызывать сомнений. Дело в том, что большинство из современных межнациональных и межэтнических конфликтов (в том числе военизированных) «замешено», весьма часто, на «исторической составляющей». Одни этносы, особенно под воздействием пропаганды, уверены в том, что они населяли данную территорию «раньше», чем другие (и наоборот), а потому имеют на нее больше прав; имеют основание быть «титальной нацией»; должны иметь определенные привилегии; их религиозные воззрения обязаны быть наделены статусом официальной идеологии и проч. Для обоснования своих притязаний лидеры или представители подобных национальных, этнических или религиозных образований весьма часто прибегают к «научной аргументации», ссылаясь при этом на исследования определенных историков как на «истину», доказанную «исторической наукой». А это в свою очередь может вести к печальным последствиям. Достаточно вспомнить «научные изыскания» идеологов Третьего Рейха, адептов идей Муссолини или некоторых теоретиков – исламистов. В связи с этим встает вопрос о том, до какой степени можно доверять изысканиям историков? В состоянии ли история давать гарантированно истинные научные знания о прошлом? Вообще, является ли история наукой? Именно поэтому **целью** нашей статьи является логико-философский анализ истории на предмет выяснения того, действительно ли она является наукой. **Методологией** нашего исследования стали традиционные логико-философские методы: анализ, синтез, элементы дедукции, метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод единства исторического и логического. **Научная новизна** данной статьи состоит в том, что в ней автором с логико-философских позиций обосновано то, что история наукой не является. Полученные в ходе проведенных в статье изысканий **результаты** имеют определенную теоретическую и практическую **значимость**. Их теоретическая значимость состоит в том, что они могут быть использованы учеными при проведении научных исследований в области философии науки, философии истории, политологии, социологии, общественной психологии, этнографии, религиоведения и других. Кроме того, их могут использовать специалисты-практики (политики, общественные и религиозные деятели, руководители государственных и общественных организаций и т. п.) при урегулировании социальных конфликтов и решении других общественно-значимых задач.

Ключевые слова: история, историческая наука, атрибуты науки, субъект науки, объект науки, предмет научных исследований.

Для цитирования: Дегтярев Е. В. Некоторые аспекты логико-философского осмысления истории на предмет научности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 115–122. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-115.

SOME ASPECTS OF THE LOGICAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF HISTORY ON THE SUBJECT OF SCIENCE

E. V. Degtyarev

Magnitogorsk branch of RANEP, Magnitogorsk, Russia

e-mail: filos.magnit@yandex.ru

Abstract. In our opinion, the relevance of the logical and philosophical understanding of history for its scientific character cannot be doubted. The fact is that most of the modern interethnic and interethnic conflicts (including paramilitary ones) are «mixed up», very often, on the «historical component». Some ethnic groups, especially under the influence of propaganda, are sure that they inhabited this territory «earlier» than others (and vice versa), and therefore have more rights to it; they have a reason to be a «titular nation»; they must have certain privileges; their religious views must be endowed with the status of an official ideology, and so on. To substantiate their claims, leaders or representatives of such national, ethnic or religious formations very often resort to «scientific

argumentation», while referring to the research of certain historians as «truth» proved by «historical science». And this, in turn, can lead to sad consequences. It is enough to recall the «scientific research» of the ideologists of the Third Reich, adherents of Mussolini's ideas or some Islamist theorists. In this regard, the question arises as to how much one can trust the research of historians? Is history able to provide guaranteed true scientific knowledge about the past? In general, is history a science? That is why the purpose of our article is a logical and philosophical analysis of history in order to find out whether it is really a science. The methodology of our research has become traditional logical and philosophical methods: analysis, synthesis, elements of deduction, the method of ascent from the abstract to the concrete, as well as the method of unity of the historical and logical. The scientific novelty of this article is that the author justifies the fact that history is not a science from a logical and philosophical position. The results obtained in the course of the research carried out in the article have a certain theoretical and practical significance. Their theoretical significance lies in the fact that they can be used by scientists in conducting scientific research in the field of philosophy of science, philosophy of history, political science, sociology, social psychology, ethnography, religious studies and others. In addition, they can be used by practitioners (politicians, public and religious figures, heads of state and public organizations, etc.) in resolving social conflicts and solving other socially significant tasks.

Key words: history, historical science, attributes of science, subject of science, object of science, subject of scientific research.

Cite as: Degtyarev, E. V. (2021) [Some aspects of the logical and philosophical understanding of history on the subject of science]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 115–122. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-115.

Введение

В нашей статье речь пойдет не собственно об истории как о форме проявления бытия общества, а о том, что в отечественной традиции обыкновенно обозначается данным термином, а именно об отражении этой самой истории в головах людей. В данном контексте весьма часто историю еще называют «исторической наукой». Подобная трактовка или понимание истории большинством членов общества и даже многих профессионалов, на наш взгляд, несостоятельна, а в чем-то даже вредна. Мы полагаем, что считать историю «наукой» ошибочно. Прежде чем перейти к обоснованию своей позиции, с тем, чтобы не шокировать читателей, отметим, что подобных или близких к ним взглядов на историю (в той или иной мере) придерживается не только автор статьи, но и другие исследователи, такие как Анкерсмит Ф. Р. [1], Бурхардт Я. [2], Дильтей В. [12], Коллингвуд Р. Дж. [14], Кун Т. [15], Наторп П. [16], Оукшот М. [18], Рикерт Г. [19], Тойнби А. Дж. [20], Фейерабенд П. [21] и др. Более того, относительно недавно в одном из ведущих отечественных журналов в области исторического познания «Вопросы истории» вышла статья с характерным названием «Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии» [17].

Атрибуты научности. Характерны ли они для истории?

Все дело состоит в том, что отнесение исторического знания к области **науки** автоматически наделяет последнее определенными атрибутами, которые в действительности ему *не присущи* [9]. Это такие обязательные для науки атрибуты или критерии как логичность (или как минимум, логическая

непротиворечивость), объективность, соответствие фактам действительности, доказуемость, проверяемость, прогностическая (или предсказательная) компонента (мы уже не говорим о повторяемости, воспроизводимости и т. д.).

Посмотрим насколько «историческая наука» соответствует данным критериям. Начнем с критериев **логичности, объективности, соответствия фактам действительности** [10]. Несоответствие «исторической науки» данным критериям можно проследить на огромном множестве примеров из истории. Мы остановимся лишь на одном таком примере: на концепции монголо-татарского ига, якобы существовавшего на Руси. Согласно этой концепции, вышедшие из диких монгольских степей огромные орды монголов и присоединившихся к ним иных отсталых кочевых племен смогли завоевать Русь (русские княжества) и другие развитые страны. Монголы создали самую большую за все время существования человечества мировую империю, на обломках распада которой возникли другие государственные образования и, в частности, Золотая орда, в политическую и экономическую зависимость от которой попали русские княжества. Иго на Руси якобы просуществовало более двух столетий – с 1237 г. по 1480 г. При этом «учеными историками» игнорируются не просто **логика, объективность и соответствие фактам действительности**, а даже элементарный здравый смысл. Игнорируются географический, экономический, технический (технологический) [8], военный, демографический, культурно-управленческий, научно-генетический и другие факторы.

Действительно, достаточно одного взгляда на **географическую** карту, чтобы стало очевидным то, что **целенаправленный** поход огромного войска за

тысячи километров с востока на запад на Русь, при отсутствии путей сообщения, заселенных территорий, через горы, буреломы, реки, непроходимые дебри – «туда, неизвестно куда», совершенно бессмысленен. Если же отказать подобному военному походу огромной армии (орды) в изначальной *целенаправленности*, то он окажется еще более бессмысленным и *алогичным*, даже с точки зрения «диких монголов»: *зачем* вообще идти военным походом в этом направлении? [13] С подобным же успехом им можно было отправиться на север – покорять чукчей, эвенков и белых медведей с моржами. Не менее важен и **экономический** фактор: для содержания огромной армии необходима хоть сколь-нибудь развитая экономика, способная обеспечить каждого ратника всем необходимым для участия в продолжительном военном походе [11]. Столь же откровенно игнорируется и **технический** (или **технологический**) фактор [5]. Действительно, для успешного военного похода подобного масштаба, как минимум, необходимо наличие относительно развитой металлургии (дляковки сабель, изготовления наконечников стрел и копий, других металлических элементов воинского обмундирования). Однако, как известно, сколько-нибудь развитой металлургии у монголов не было [6]. Попытки объяснения этого тем, что до похода на Русь монголы покорили высокоразвитые китайские и (или) среднеазиатские государства и заставили их ремесленников изготавливать металлическое оружие для своих воинов, не спасает положения, а лишь смещает проблему в пространстве: как в таком случае, не имея необходимого вооружения, им удалось покорить эти высокоразвитые народы? [7] Подобное объяснение напоминает рассуждения известного мультяшного героя: «для того, чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сперва купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет».

Далее, **военный** фактор. Где, как и с кем монгольские родовые образования овладевали военным искусством? Причем столь успешно, что в результате овладели им даже *лучше*, нежели побежденные ими народы (иначе они их просто не смогли бы завоевать). Не менее *алогичным* представляется и **демографический** фактор. Откуда вдруг в пустынных степях появились огромные орды людей (и, в частности, мужчин соответствующего возраста), там, где большого народонаселения никогда не было и быть не могло в силу суровости климата и почти полного отсутствия продовольственных ресурсов? Очевидно и то, что при кочевом образе жизни не могла появиться и сколь-нибудь большая *концентрация* людей в той или иной области бескрайних монгольских степей и пустынь. Справедливости ради, следует отметить, что мнения историков здесь разнятся: численность монгольских орд при нападении на Русь и другие страны варьируется от

более чем полумиллиона до 15–20 тысяч человек. Однако ни те, ни другие цифры не спасают положения («посрамляют логику»): слишком большим ордам неоткуда взяться, слишком малочисленным – невозможно завоевать многочисленные «покоренные народы».

Далее, **культурно-управленческий** фактор. Не менее загадочной представляется и взявшаяся из ниоткуда, возникшая «чудесным образом» **управленческая культура** монголов. Где и у кого они обучились управлению самой большой в мире империей? Ведь до того максимум, кем они могли «управлять» – стадо овец или табун лошадей. (Невольно согласишься с теми, кто считает излишними специальности менеджмента в наших ВУЗах). Кроме того, как, не имея соответствующих средств связи, монголы координировали (в том числе, одновременно) действия войск, а позднее и государственных институтов на огромных пространствах Евразии от Кореи до Западной Европы? [4] Помимо того, где сколько-нибудь убедительные археологические подтверждения, в частности, где клады, обнаруженные на территории Монголии (ведь, по версии историков, была «ограблена половина мира»)? Где археологические артефакты, оставленные на полях сражений после кровавых битв, например, на поле Куликовом? (То, что обнаружено археологами, мягко выражаясь, малоубедительно).

Аналогичным образом историками игнорируется и **научно-генетический** фактор. Все сколько-нибудь значимые исследования в данной области говорят о том, что монголы генетически не на много ближе русским, чем скажем папуасы или коренные жители острова Пасхи. Хотя очевидно, что за «столетия ига» подобной генетической близости не могло не возникнуть.

Не лучше в плане «научности» истории обстоит дело и с **критерием доказуемости**. Обратимся в качестве доказательства к рассказам историков о строительстве пирамид. Древние египтяне якобы за три десятка километров, на другой стороне реки Нил в каменоломнях выпиливали огромные каменные блоки и доставляли их чудесным образом, не имея никакой соответствующей техники, к месту строительства мегалитических сооружений. Затем они затаскивали их, не менее чудесным образом, на огромную высоту (иногда более, чем в пятидесятиэтажный дом) и аккуратно укладывали, предварительно притерев друг к другу с ювелирной точностью (шов между блоками может составлять не более миллиметра). При этом выпиливали блоки египтяне медными (бронзовыми) полосами (пилами) при помощи деревянных клиньев, а притирали их друг к другу песком, камнями и прочими подручными средствами. Причем в ряде случаев при строительстве своих сооружений египтяне использовали не только известковые, но и «гранитные» блоки, вы-

пиленные с помощью деревянных клиньев все теми же медными полосами и притертых друг к другу все с той же ювелирной точностью. Интересно, попробовал ли кто-нибудь из ученых-историков, в качестве *доказательства*, хоть раз в жизни распилить хотя бы полуметровый по толщине кусок гранита при помощи деревянных клиньев медной полосой? Или поднять с коллегами при помощи подручных средств хотя бы на метровую высоту каменную глыбу весом 90000 кг (именно таков вес самого тяжелого блока пирамиды Хеопса, установленного над входом в Камеру Царя на высоте более чем 40 метров), а затем еще и притереть ее к другой подобной каменной глыбе хотя бы с сантиметровой точностью? Справедливости ради, следует отметить, что попытки доказать возможность строительства пирамид из вырубленных из известняка каменных блоков (т. е. попытки проверить теорию практикой или экспериментом) все же предпринимались. Так, например, в 1977 году Nirpon Corporation предприняла попытку построить уменьшенную копию пирамиды Хеопса высотой около 10 метров (высота прототипа около 150 метров) и основанием в 15 раз меньшим, чем у оригинала. Для этого было нанято порядка 100 рабочих-египтян, которые по задумкам организаторов должны были возвести миникопию пирамиды с помощью исключительно «традиционных» технологий и инструментов за один месяц. Экспериментальное доказательство японцев «почти увенчалось успехом». Ее построили. Кроме некоторых нюансов. Копию удалось возвести не за месяц, а за год. Притирку блоков осуществить не получилось вовсе. Для того чтобы пирамида смогла быть установлена в долине Гиза (т. е. там же, где установлен и оригинал), пришлось предварительно залить бетонное основание, с тем, чтобы копия не завалилась. Вырубать каменные блоки пришлось отбойными молотками (деревянными клиньями и медными пилами не получилось). Перевести блоки к месту строительства с помощью деревянных лыж и волокуш не удалось вовсе, не смотря на их относительно небольшой вес (не более трех тонн) и для этих целей пришлось использовать грузовые машины и паромы. Пирамидон (остроконечную верхушку пирамиды), вешивший всего одну тонну, удалось поднять на вершину пирамиды только при помощи автокрана. В ходе строительства пришлось задействовать помимо прочей техники даже вертолет. Тем самым, историческая «научная» теория строительства пирамид «блестяще» провалилась, поэтому неудивительно, что, как утверждают «злые языки», руководитель проекта после его завершения сказал, что «теперь мы точно знаем то, как пирамиды *не строили*».

Подобным же образом обстоят дела и с **критерием проверяемости**. В науке он проявляется посредством верификации или фальсификации науч-

ных теорий. *Проверка* на практике истинности или ложности исторических концепций или исторических фактов для историков либо невозможна (чаще всего), либо не имеет значения для признания ими соответствующей исторической концепции или исторического факта истинными или ложными. Иными словами *проверка* не ведет к фальсификации «исторической теории» в случае фальсификации (или невозможности верификации) ее фактов. В данном контексте «исторические теории» ближе к религиозным верованиям, мифологическим построениям, философским концепциям или обыденным предпочтениям, а не к науке. Так еще в 70-е годы XX века французский химик-материаловед Жозеф Давидовиц (фр. Joseph Davidovits) доказал, посредством соответствующей *проверки научными методами*, что не только блоки пирамид, но и многие другие древнеегипетские артефакты изготовлены из особого геополимерного бетона. То есть не было никаких загадочных древнеегипетских чудесников, обладавших такими сказочными технологиями по обработке камня, которыми человечество и сегодня еще не владеет в полной мере (ювелирная подгонка гигантских гранитных блоков друг к другу; строго-вертикальная каменная резьба в твердых горных породах; амфоры из «цельных кусков» диорита, минерала тверже железа, с идеально выточенными горловинами и одинаковой толщиной идеально же отполированных изнутри и снаружи тонких стенок и т.д.). На самом деле, как убедительно доказал Ж. Давидовиц, все эти и другие подобные им «чудеса» изготовлены древними египтянами из геополимерных бетонов (в том числе, с наполнителями из гранитной или диаритовой крошки) по обычным, существовавшим в те времена технологиям (штукатурка; выдавливание в оштукатуренной поверхности изображений с помощью трафаретов; гончарный круг для изготовления амфор из «диаритовой глины» и проч.). Казалось бы, Ж. Давидовиц со своим открытием должен был быть выдвинут историками-египтологами номинантом на самые престижные научные премии и удостоен всяческих наград, а история Египта переписана соответствующим образом, согласно с вновь «открывшимися научными данными». Однако ничего подобного не произошло. Египтологи открытия попросту «не заметили». Словом, «если факты не согласуются с теорией, то тем хуже для фактов». (Вспомним Т. Куна с его «Структурой научных революций» и уходом с исторической сцены сторонников прошлой парадигмы «естественным путем», то есть лишь в результате их смерти(!)).[15] Но почему? Конечно же «историки тоже люди» и ничто человеческое им не чуждо. «Мы написали сотни умных книг, защитили диссертации, наполнили музейные полки экспонатами с соответствующими комментариями, а теперь все это оказалось всего лишь фан-

тазией, выдумкой?» Конечно, профессиональному сообществу историков согласиться с этим сложно или даже невозможно. Но дело не только в этом. Еще одна наиважнейшая причина состоит в том, что мы отстаиваем в своей статье: история *не является* наукой. Именно поэтому *критерий проверяемости* (как и другие критерии научности) к истории либо не применим вовсе, либо применим крайне избирательно. Тем самым, игнорируя выдающееся открытие Ж. Давидовица, историки сами того не желая, подтверждают то, что история наукой *не является*.

Наконец, у «исторической науки» напрочь отсутствует обязательная для всякой науки *прогностическая* (или предсказательная) компонента. Это объясняется тем, что для осуществления научных прогнозов необходимы знания о существенных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связях, традиционно определяемых дефиницией «научные законы». Однако подобные связи (т.е. научные законы) историки выявить не в состоянии, поскольку они всегда имеют дело лишь с уникальными *единичными* явлениями прошлого, запечатленными в текстах. В силу этих же обстоятельств, тем более не приходится говорить в контексте исторического познания о таких критериях научности, как *повторяемость* и *воспроизводимость*. При этом важно понимать, что это вовсе не говорит о том, что между событиями прошлого изначально отсутствовала каузальность. Конечно, это не так. Причинно-следственные связи между событиями прошлого, конечно же, существовали. Например, при желании с позиций сегодняшнего дня можно обнаружить несомненную *связь* между рождением будущего сербского националиста Гаврило Принципа, с выстрела которого в эрцгерцога Франца Фердинанда началась Первая Мировая война и распадом Советского Союза (через Октябрьскую революцию, образование СССР, его развитие, перестройку и т.д.). Однако наличие подобной каузальной связи, которую в состоянии при желании выявить историки, вовсе не свидетельствует о ее *закономерном* (что характерно для науки) характере.

По своей сути история представляет собой не науку о прошлом, а нарратив (рассказ, повествование) об определенным образом взаимосвязанных событиях прошлого (о их последовательности в прошлом во времени). Причем для того, чтобы историки признали в своем большинстве подобный нарратив «научным», необходимо, чтобы он носил традиционный или общепринятый характер. Другие нарративы о прошлом историками признаются «не научными», ошибочными и т.д. Кроме того, в силу того факта, что «историю пишут победители», нарративы, как правило, «идеологически окрашены». Прежде всего, именно поэтому (хотя и не только по данной причине) одни историки могут придерживаться одного нарратива, другие – другого, тре-

тьи – третьего. Поэтому для одних из них «истинным» будет один рассказ о событиях прошлого, для других – другой. Отсюда и появление «историй» о великих Украх, выкопавших Черное море, первом казахском космонавте Юрии Гагарине, войне Германии с Украиной (подтверждением чего является наличие в архивах карт Украинского фронта во Второй Мировой войне), попытки во Франции времен восстановления Бурбонов «протащить» учебник, в котором утверждалось, что никакого Наполеона Бонапарта не существовало и проч.

Объект, предмет, субъект и специфика исследовательской деятельности историков

О «ненаучности» истории свидетельствуют и особенности ее *объекта, предмета, субъекта* и *исследовательской деятельности* историков. На наш взгляд, в общем виде, *объектом истории* (мы имеем в виду социальную историю) является прошлое человечества во всем его многообразии, а ее *предметом* – цепочки взаимосвязанных событий прошлого. Объект и предмет истории качественным образом отличаются от объектов и предметов любых наук. Дело в том, что все науки изучают то, что *существует*, будь то атомы, галактики, химические реакции или даже моральные нормы. История изучает прошлое, то есть то, чего *не существует* и поэтому суждения историков в рамках их исследований некорректно ранжировать *в принципе* в категориях «истина» – «ложь». [3] Ученый исследует изучаемые явления с помощью понятий (ну, разумеется, также и с помощью суждений и умозаключений), сопоставляя создаваемую им мысленную реальность с реальностью действительной, а потому всякий другой ученый может проверить корректность («истинность») подобного сопоставления. Историк сопоставляет свою *собственную* мысленную историческую реальность со своими же *собственными* представлениями (понятиями) о ней, поэтому другой историк не в силах проверить корректность подобного сопоставления, поскольку он, в свою очередь, будет вынужден сопоставлять *свою* мысленную реальность со *своей же* мысленной реальностью. Разумеется, это не означает того, что они не могут заключить «конвенцию» и согласиться с соображениями друг друга, однако это вовсе не будет означать истинности соответствующих знаний. (Мы с коллегой можем согласиться с тем, что у жителей Юпитера есть крылья, но это не только не означает того, что последние могут летать, но даже того, что они вообще существуют).

Не лучше в плане научности обстоит дело и с *субъектом* исторического познания. Понятно, что *субъект* любого научного познания в определенной мере «конструирует» *объект* своего познания (в еще большей мере это верно в отношении *предмета* научного познания). Проделывает по-

добную операцию и историк, и даже в значительно «больших масштабах». Но, в отличие от ученого, историк исследует не реальные фрагменты анализируемой действительности, а их «суррогаты» – *тексты* и интерпретируемые на их основании другие артефакты, например, найденные археологами. Последние историк наделяет определенным смыслом лишь на основе *интерпретации текстов*, без коих они не имеют для него соответствующего исторического смысла. Вообще, историк как субъект познания постоянно вынужден заниматься *подменной*: вместо *не существующего* прошлого он вынужден изучать *существующее* настоящее в форме текстов. Однако текст «коварен». Мало того, что он редко бывает написан непосредственным участником событий, но он еще и всегда представляет собой некую авторскую их *интерпретацию*. Автор же всегда «страдает» предвзятостью, субъективностью; знания его с необходимостью всегда фрагментарны; у него всегда есть собственные предпочтения; свое «видение» событий, их истолкование, «замешанное» на той или иной системе ценностей. Мы уже не говорим о таких особенностях автора текста как возрастная категория, социальная и национальная принадлежность, увлечения, настроение, эмоциональное состояние, заинтересованность (в том числе материальная), идеологическое принуждение и проч.

Однако, пожалуй, еще большее «коварство» текста состоит в том, что сам историк его изучающий, в свою очередь, наделен вышеперечисленными особенностями автора и, в связи с этим, сам *вынужденно* в процессе изучения *интерпретирует* исследуемый текст. И далее, в силу того, что текст не один (их, как правило, большее или меньшее множество)

и историк не один (аналогично), то *деятельность* историка как субъекта исторического исследования прошлого с необходимостью превращается в своеобразную бесконечную *«интерпретацию интерпретаций»*. Подобная деятельность ни при каких условиях не может быть определена как *деятельность научная*. Тем самым, исходя из всего вышеизложенного, мы вправе считать, что наш исходный тезис о том, что история не является наукой можно считать в должной мере *обоснованным*.

Заключение

История не наука, но от этого она не менее важна для жизни общества. Более того, она, несомненно, **необходима**. На наш взгляд, историю можно охарактеризовать как «идеологию, обращенную в прошлое ради будущего». В данном контексте история является *важнейшим основанием* для воспитания подрастающего поколения, да и всего общества в целом. Она необходима людям для того, чтобы они не превращались в «манкуртов» или «иванов, не помнящих родства»; для того, чтобы знали об ошибках прошлого и пытались делать все для того, чтобы не повторить их вновь; для того, чтобы люди с уверенностью могли смотреть в будущее; для того, чтобы мобилизовывать народные массы на защиту от агрессора. Наконец, опираясь на фундамент знаний из области истории, в народных массах можно (и весьма часто даже необходимо) «разжигать костер» энтузиазма, ориентированного на достижение великих свершений и строительство нового, прекрасного будущего. (Конечно, здесь важно избегать искажений и опасностей, достаточно вспомнить использование истории для достижения негативных целей Гитлером и Муссолини).

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Бурхардт Я. Размышления о всемирной истории. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 560 с.
3. Вильданова Г. Б., Вильданов Х. С., Дегтярев Е. В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 33. С. 99–105.
4. Горохов П. А., Вялых В. В. Феномен прекариата как фактора управления государством (опыт социально-философского прочтения) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 22–25.
5. Дегтярев Е. В. Единство объекта технического знания: некоторые особенности и аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 9 (103). С. 4–8.
6. Дегтярев Е. В. К вопросу о структуре и некоторых особенностях технического знания // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 5 (99). С. 11–16.
7. Дегтярев Е. В. Понимание в контексте неклассического и постнеклассического типов научной рациональности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 3. С. 110–114.
8. Дегтярев Е. В. Проблема техносферы в контексте воззрений В. И. Вернадского на ноосферу // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 29 (167). С. 140–143.
9. Дегтярев Е. В., Дегтярева Е. Е. Базовые функции философии как фундаментальное основание метатеории образования и воспитания личности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 79-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск,

19–23 апр. 2021 г. – Магнитогорск, 2021. С. 221.

10. Дегтярев Е. В., Карпова Е. В. Искусство экспансионизма: специфика голландского доминирования // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: тезисы докладов 78-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск, 20–24 апр. 2020 г. – Магнитогорск, 2020. Т. 2. С. 260.

11. Дегтярев Е. В., Сеничев И. В. Парадоксальность британского экспансионизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 137–141.

12. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.

13. Карпова Е. В. К понятию «социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 128–131.

14. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. – 488 с.

15. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. – 310 с.

16. Наторп П. Об исходном пункте философии // Кантовский сборник. Калининград, 2009, № 1 (29). С. 110–121.

17. Нестеренко А. Н. Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии // Вопросы истории, 2019, № 4, С. 57–67.

18. Оукшот М. Рационализм в политике. М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

19. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. – 532 с.

20. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. – 640 с.

21. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. – 413 с.

References

1. Ankersmit, F. R. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow: Idea-Press, 360 p.

2. Burkhardt, J. (2013) *Razmyshleniya o vsemirnoy istorii* [Reflections on world history]. M. – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 560 p.

3. Vildanova, G. B., Vildanov, Kh. S., Degtyarev, E. V. (2008) [Gnoseological analysis of the relationship between the concepts of «truth» and «wisdom»]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 33, pp. 99–105. (In Russ.).

4. Gorokhov, P. A., Vyalykh, V. V. (2016) [Phenomenon of the precariat as a factor of state governance (experience of social and philosophical reading)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. Vol. 7, pp. 22–25. (In Russ.).

5. Degtyarev, E. V. (2009) [Unity of the object of technical knowledge: some features and aspects]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 9 (103), pp. 4–8. (In Russ.).

6. Degtyarev, E. V. (2009) [On the question of the structure and some features of technical knowledge]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 5 (99), pp. 11–16. (In Russ.).

7. Degtyarev, E. V. (2015) [Understanding in the context of non-classical and post-non-classical types of scientific rationality]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 110–114. (In Russ.).

8. Degtyarev, E. V. (2009) [The problem of the technosphere in the context of VI Vernadsky's views on the noosphere]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 29 (167), pp. 140–143. (In Russ.).

9. Degtyarev, E. V., Degtyareva, E. E. (2021) [Basic functions of philosophy as a fundamental basis of the metatheory of education and upbringing of the individual]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya: tezisy dokladov 79-y mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Actual problems of modern science, technology and education: abstracts of the 79th international scientific and technical conference]. Magnitogorsk, pp. 221. (In Russ.).

10. Degtyarev, E. V., Karpova, E. V. (2020) [The art of expansionism: the specificity of Dutch domination]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya: tezisy dokladov 78-y mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Actual problems of modern science, technology and education: abstracts of the 78th international scientific and technical conference]. Magnitogorsk, Vol. 2, pp. 260. (In Russ.).

11. Degtyarev, E. V., Senichev, I. V. (2015) [The paradox of British expansionism]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 137–141. (In Russ.).

-
12. Dilthey, V. (1988) [Sketches to the criticism of historical reason]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. Vol. 4, pp. 135–152. (In Russ.).
 13. Karpova, E. V. (2011) [On the concept of «socio-cultural perception of space in philosophical and legal concepts»]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. Vol. 1 (21), pp. 128–131. (In Russ.).
 14. Collingwood, R. J. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow: Nauka, 488 p.
 15. Kuhn, T. (2009) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST, 310 p.
 16. Natorp, P. (2009) [About the starting point of philosophy]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian collection]. Kaliningrad, Vol. 1 (29), pp. 110–121. (In Russ.).
 17. Nesterenko, A. N. (2019) [Why history is not a science: reflections on the specifics of the subject, object and method of historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. Vol. 4, pp. 57–67. (In Russ.).
 18. Oakshot, M. (2002) *Ratsionalizm v politike* [Rationalism in politics]. M.: Idea-Press, 288 p.
 19. Rickert, G. (1997) *Granitsy yestestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatiy: logicheskoye vvedeniye v istoricheskiye nauki* [The boundaries of the natural science education of concepts: a logical introduction to historical sciences]. SPb.: Science, 532 p.
 20. Toynbee, A. J. (1991) *Postizheniye istorii* [Comprehension of history]. Moscow: Progress, 640 p.
 21. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge]. Moscow: AST, 413 p.

Информация об авторе:

Евгений Владимирович Дегтярев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, управления и права, Магнитогорский филиал РАНХиГС, Магнитогорск, Россия
e-mail: filos.magnit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 22.09.2021; принята в печать: 11.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Evgeny Vladimirovich Degtyarev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economics, Management and Law, Magnitogorsk branch of RANEPA, Magnitogorsk, Russia
e-mail: filos.magnit@yandex.ru

The paper was submitted: 22.09.2021.

Accepted for publication: 11.11.2021.

The author has read and approved the final manuscript.